

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Филологический факультет
Кафедра истории зарубежной литературы

XVIII ВЕК:

**ЛИТЕРАТУРА КАК ФИЛОСОФИЯ
ФИЛОСОФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРА**

Москва

2010

**Философия на трибуне:
о некоторых особенностях политической риторики
Французской революции**

Татьяна Черноверская (Новосибирск)©

То, что ораторское искусство можно рассматривать как один из видов литературного творчества, представляется очевидным: в конце концов, еще со времен классической древности тексты публичных выступлений выдающихся ораторов собирались и переписывались, в более поздние времена – печатались – в качестве текстов, предназначенных для чтения.

Заявляя этот сюжет, я имела в виду возможность разных подходов, разных аспектов его реализации. Так, можно было бы остановиться на политической риторике Робеспьера – имея в виду не только то, что образ этого человека в известном смысле персонифицирует Революцию, но и то, что в его адрес особенно часто звучат упреки и даже обвинения в том, что его речи оторваны от реальной действительности.

© Черноверская Татьяна Александровна, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета

сти, носят чрезмерно абстрактный характер, и потому скорее всего должны были оставаться непонятными для его слушателей.

Можно было бы соединить такой анализ с политической риторикой Сен-Жюста, которого один из его биографов назвал самым философичным из ораторов Конвента...

Но мне хотелось бы поставить проблему под иным углом — и для начала заметить, что политическая риторика во Франции по сути рождается лишь с приближением и началом Революции. Франция Старого порядка практически не знала политической риторики, наиболее распространены тогда были церковная проповедь, судебное красноречие и отчасти академическая риторика. При этом, разумеется, церковные проповеди нередко затрагивали глубинные основы человеческого бытия, судебным ораторам случалось касаться как острых политических проблем, так и общих вопросов правовой теории, академии же, в особенности провинциальные, вообще могут по праву считаться рассадниками вольнодумства, в том числе политического, — достаточно вспомнить, что именно для академических конкурсов были написаны, к примеру, *Рассуждения о неравенстве* Руссо или *План уголовного законодательства* Марата¹. Однако, места для собственно политической риторики, вплоть до созыва провинциальных, а затем и Генеральных штатов в 1788-89 гг., во Франции практически не было.

Судейские (адвокаты, нотариусы и пр.) составили большинство депутатов и этих Штатов, и всех последующих Национальных собраний эпохи Революции, и было бы естественным ожидать, что именно судебное красноречие особенно ярко проявит себя в политической риторике этих Собраний. В обсуждении частных практических вопросов так оно и оказывается, однако в программных выступлениях парадоксальным образом проявляется скорее близость, сродство этой риторики — и проповеди, причем не столько обычной церковной проповеди, сколько проповеди миссионера, обращающего в свою — истинную — веру — варваров. И в этом, как кажется, со всей наглядностью проявляется одна из характерных черт философии Просвещения, в особенности — французского: универсальная категория Природы вытесняет, как бы замещая собою, универсальность Бога. Речь, разумеется, не об атеизме: в XVIII в. редко кто доводил свое скептическое отношение к религии до последовательного и аргументированного отрицания бытия Божия. Но с молоком — не матери даже, а деревенской кормилицы — эти люди впитали свойственное христианству как монотеистической религии представление о *единстве* сотворенного мира — и *единственности* истины, а также единстве, гармонии истины и добра. И эти-то представления переносились ими на природный универсум, общие, единые для всех, законы которого мы познаем средствами опыта и разума. При переходе от познания законов природы к познанию законов общества — которое мыслится как часть природы — такое представление об истине и добре порождает весьма серьезные про-

блемы: ведь опыт, на основе которого каждый формулирует эти истинные законы – индивидуален, а истина может быть только одна, и любое отклонение от нее есть склонение от добра ко злу.

Все это, думается, необходимо иметь в виду, исследуя ораторские поединки Французской революции, поединки, которые в начале революции заканчивались вытеснением оппонента с политической сцены, а позднее – и его физическим устранением. «Количественные» характеристики разногласий – «более умеренные», «слишком радикальные», и т.п. – не дают возможности понять природу невероятной ожесточенности политического противостояния тех лет – противостояния, не допускающего компромиссов, каким была, к примеру, борьба между якобинцами и жирондистами, по поводу которой более чем столетие назад А. Олар писал, что

очень трудно сказать, какими основными идеями жирондисты отличались от монтаньяров. Читая их речи, их памфлеты, их газеты, не замечаешь почти никакой разницы между культурным развитием и идеалами тех и других².

Или – глубины разочарования, пережитого в сентябре 1789 г. Ж.Ж. Мунье и его единомышленниками, умеренными монархистами, принимавшими столь деятельное участие и в борьбе за созыв Генеральных штатов с двойным представительством Третьего сословия, и в разработке Декларации прав человека и гражданина:

Наши идеи при первом же слушании показались столь неправильными, что их не сочли нужным рассматривать ни в целом, ни в подробностях, их даже не вынесли на обсуждение. Мы не должны были более заниматься подготовкой бесполезных проектов, и вполне справедливо, что на смену нам пришли другие³.

«Другие» в данном случае – тоже конституционные монархисты, будущие фельяны.

Симптоматично, в сколь сходных выражениях характеризуют исследователи психологические особенности людей, составлявших эти противоборствующие политические группировки:

Малуэ ставил превыше всего интересы французского государства... его характеризовало стремление к справедливости, свойственное и его будущим сторонникам, к защите зависимых категорий населения, сглаживанию общественных противоречий... Находясь в разных провинциях, но охваченные общим стремлением быть полезными своей стране, участники будущей группы «умеренных» считали своим долгом выразить свою позицию по тем вопросам, которые представлялись им наиболее значимыми... [Они] называли себя «умеренной партией» и настаивали на том, что их стремления в большей степени, чем стремления других депутатов, соответствуют принципам «истинного патриотизма» и отражают как любовь к свободе, так и преданность королю, –

пишет В.Ю. Сергиенко о «монаршьенах» – «умеренной партии» начального периода деятельности Учредительного собрания⁴

В одной из фельянских брошюр счастье провозглашается «первой потребностью человека». Вместо религиозно-мистического счастья, достижимого согласно церковным канонам в потустороннем мире, фельяны полагали его достижение в разумно устроенном реальном обществе: «Общество не

имеет другой цели, как счастье многих...». Нередко свою деятельность они отождествляли со стремлением ко всеобщему счастью. В одной из политических статей А. Шенье сообщал, что «только горячее желание счастья людей является единственной страстью, которая... проходит через (его. – А. Т.) политические выступления»... Сами фельяны – люди революционной эпохи – не раз демонстрировали готовность служить высоким общественным идеалам. Их отличительной чертой было стремление активно участвовать и возглавить революцию. Об этом от имени триумvirата сообщал в письме к королеве А. Барнав, предлагая двору свою помощь: «До недавнего времени происходящие события не получали глубокого истолкования... Ситуация изменится к лучшему, если хватит смелости отвергнуть все советы, диктуемые предубеждением, неосведомленностью или вероломством, и проникнуться доверием к людям, которые понимают революцию, которые, как никто другой, могут ее возглавить, чьи советы самые верные...» ... Отождествляя свою судьбу с делом революции, фельяны зачастую рассматривали собственную жизнь как средство в достижении стоящих перед революцией целей. ... Верность избранным принципам фельяны особенно ценили и ни при каких обстоятельствах не отходили от них. Так, роль тайных советников двора не означала для триумvirата отхода от своих убеждений. ... Фельяны, веря в свою непогрешимость, не считали нужным объяснять неоднозначность своих действий. В одном из писем А. Барнав прямо говорил: «Мы не стремимся доказывать наш патриотизм, так как он искренен и реален». «Фельяны... ищут только разум, справедливость и правду», – утверждал Реньо де Сен-Жан д'Анжели. При этом свои патриотические чувства они ставили выше революционного рвення своих противников из Якобинского клуба, – рассуждает о героях своего исследования А.В. Тырсенко⁵.

У многих из них можно отметить глубокое пристрастие к общественной, политической деятельности, понимаемой зачастую как призвание. Оно нередко соединялось с представлением о своей особой ответственности, особом предназначении на этом поприще. Так, в начале сентября 1791 г. после неудачного для Ролана исхода выборов в Лионе г-жа Ролан писала своему знакомому Шампено: «...мне тяжело видеть нашего общего друга (Ролана. – Э. Г.), покинутого в молчании и безвестности; он привык к общественной жизни, она ему необходима настолько, что без нее он себя не мыслит!..» ... Бриссо вспоминал: «...с момента моего избрания (в Законодательное собрание. – Э. Г.) я целиком посвятил себя общественным делам... Я обязал себя собирать все сведения, которые могли оказаться полезными для карьеры, которую я избрал». Свою журналистскую деятельность Бриссо также понимал как важнейший гражданский долг, служение революции, – продолжает ту же мысль Э.Б. Гусейнов применительно к жирондистам⁶.

Обращаясь к Бриссо и Гаде, которые упрекали его в демагогической лести народу и обмане его относительно целей войны, Робеспьер произнес следующую беспримерную реплику: «Вы осмеливаетесь обвинять меня в намерении угождать народу и вводить его в заблуждение? Да как бы я мог это сделать? Я не льстец, не повелитель, не трибун, не защитник народа: я – сам народ». Для Робеспьера это не было ни метафорой, ни фигурой риторики. В своем сознании он находил глубинные подтверждения своего отождествления с народом, «бытия как народа», «этого божественного чувства, которое [ему] нередко компенсировало все блага, которые имеют желающие предать народ». ... Народ, противопоставляемый аристократам, был политической конструкцией и символическим образом с туманными и расплывчатыми

контурами, но он не мог иметь более чем одну волю и более чем одну точку зрения. Утвердить свою тождественность с народом означало присвоить себе право высказывать эту точку зрения: Робеспьер пользовался тем самым непререкаемым авторитетом истинного мнения, непримиримого и категоричного, которое устанавливало, кто принадлежит к народу, а кто – нет, –

вторит им Бронислав Бачко⁷. Показательно, однако, что лишь в отношении Робеспьера оказалась возможной подмена основания в этом тезисе отождествления: «Отождествление воли народа, как ее представляет Робеспьер, с его *частной* волей (выделено мною – Т.Ч.) в данной ситуации естественно и неизбежно», – заявляет А.И. Тэвдой-Бурмули, неоднократно повторяя затем этот тезис в разных вариациях⁸.

А.В. Гордон заметил как-то, что приблизиться к пониманию истинного смысла борьбы Горы и Жиронды возможно, лишь попытавшись «воспроизвести позиции столкнувшихся весной 1793 г. сторон на том языке, который был привычен для них», отметив, что в различиях используемых ими языков

прослеживается строгая логика, определенная система, а точнее, две системы взглядов, две культурные традиции, две картины мира, за которыми угадывается два различных образа жизни⁹.

Анализ речи Сен-Жюста *О Конституции*, в которой он, предвзято представляя собственное конституционное предложение, дает систематический и последовательный разбор жирондистского проекта (проекта Кондорсе), сопоставление этих двух конституционных проектов позволяет подобрать ключи к пониманию мировоззренческой природы противостояния Горы и Жиронды, увидеть их взаимную разрушительность друг для друга.

Общим для обоих проектов было признание выборов на основе всеобщего избирательного права универсальным способом формирования всех органов власти в государстве. Но принципы, на которых Кондорсе и Сен-Жюст строят свои проекты, различны: для первого фундаментом являются гарантии индивидуальной свободы человека, обеспечиваемые разделением властей, как это принцип сформулирован у Монтескье, для второго это принцип единства и неделимости народного суверенитета по Руссо.

С точки зрения учения о народном суверенитете, верховная власть народа реализует себя через законодательствующую общую волю, а власть исполнительная остается лишь «служительницей» суверена. Такое положение вещей соответствует республиканскому *принципу* правления. Именно с этой точкой зрения связано широко распространенное в первые годы Революции определение государственного устройства Франции как «республиканской монархии» (или «республики с монархом»)¹⁰.

Согласно проекту Кондорсе, депутаты Законодательного собрания избираются по департаментам и являются, соответственно, представителями лишь своего департамента, тогда как каждый министр – член

Исполнительного совета выбирается всеми гражданами Республики, что делает его представителем французского народа как целого¹¹. В итоге «издает законы *федеративное* представительство, а исполняет их совет *представителей*» [подчеркнуто Сен-Жюстом – Т.Ч.]. Такое положение вещей ставит Исполнительный совет выше законодательного корпуса и создает своего рода «королевскую власть министров», ибо «королевская власть не есть правление одного человека. Она находит воплощение в любой силе, которая и принимает решения, и управляет»¹². Сен-Жюст рассматривает Совет министров как орган, наделенный возможностью принимать коллегиальные решения и потому способный осуществить узурпацию верховной власти суверена. Поэтому в собственном проекте Конституции он предусматривает раздробление исполнительной власти, разделение функций Исполнительного совета и ответственных перед ним министров, которые совета не образуют¹³.

Отвечая на обвинения в монархизме и федерализме, выдвигавшиеся против них монтаньярами, жирондисты искренне негодовали:

Роялист, с точки зрения нашего языка – это человек, требующий короля. Федералист – это сумасбродный республиканец, желающий разделить Францию на восемьдесят пять независимых государств с риском увидеть их постоянно раздираемыми войнами, –

писал Салль в июле 1793 г. Быть одновременно роялистом и федералистом так же невозможно, как быть одновременно безбожником и верить в бога¹⁴. Но мы видим, что в самые понятия «республика», «монархия», «федерализм» они вкладывают иной смысл, чем монтаньяры, как и в еще более фундаментальные понятия «свобода» и «равенство», и по сути вступают разговор на разных языках, не понимая и/или не желая понять друг друга¹⁵.

Аналогичным образом можно попытаться интерпретировать и конфликт двух конституционно-монархических группировок первых месяцев Революции – «конституционалистов» (будущих фельянов – Сийеса, Барнава, Лафайета и др.) и «умеренных монархистов» («монаршьенов» – Мунье, Малуз, Малле дю Пана и др.). Известно, что последние, пользовавшиеся колоссальной популярностью весной-летом 1789 г., занимавшие ведущие выборные посты в Национальном собрании, но вскоре после того как Собрание отвергло их предложения о введении двухпалатного Законодательного корпуса и абсолютного вето короля, оставили свои депутатские места, а позднее и страну.

Примерно за две недели до 11 сентября, дня решающего голосования по этим вопросам, в доме посла Соединенных Штатов Томаса Джефферсона состоялось совещание, на котором Барнав и его сторонники выразили готовность, дабы преодолеть возникшие разногласия, поддержать абсолютное вето и двухпалатное Законодательное собрание, но при условии, что верхней палате не будет предоставлено право изменять законопроекты, а в полномочия монарха не будет входить

право роспуска нижней палаты. Однако для Мунье даже такое ограничение прерогативы короля оказалось неприемлемым¹⁶. Как это объяснить? Ведь еще в августе представители обеих политических группировок вполне плодотворно совместно работали над текстом Декларации прав человека и гражданина!

Думается, истоки этого противостояния можно разглядеть уже в двух известных памфлетах, увидевших свет в преддверии созыва Генеральных штатов – *Новый взгляд на Генеральные штаты* Мунье и *Что такое третье сословие* Сийеса, опубликованных в самом начале 1789 г.

На первый взгляд не только идеи, высказанные в обоих памфлетах очень похожи, но и выражены в сходных формулировках:

Французский народ состоит из трех классов: священнослужителей, дворян и простых граждан; два первые класса очень малочисленны, обладают одинаковыми правами, и потому их можно рассматривать как один класс, класс привилегированных. Класс не привилегированных граждан по сути в большей степени Нация, поскольку из двадцати четырех миллионов человек лишь пять или шесть тысяч принадлежат к первой категории, -- пишет Мунье¹⁷.

Депутаты третьего сословия вправе считать себя истинными представителями всей нации. Каждый депутат третьего сословия представляет собою около 50 000 человек, следовательно, все привилегированные вместе взятые не выставляют, при равном представительстве, больше пяти депутатов, -- заявляет Сийес¹⁸.

Оба аргументируют таким образом необходимость совместного, а не посословного голосования в Генеральных штатах. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что если Сийес полагает не только возможным, но и желательным, обойтись при образовании Национального собрания вообще без арифметически ничтожного меньшинства привилегированных¹⁹, то по мнению Мунье сословия не могут отделяться друг от друга, поскольку представляют единую нацию²⁰.

Налицо совершенно определено две разные картины мира, – хоть и облеченные в очень сходную словесную форму: Сийес мыслит общество в духе естественноправовых теорий Просвещения как состоящее из тождественных человеческих атомов и потому настроен на его преобразование; для Мунье же обществу присуще некое органическое единство, и оно нуждается лишь в усовершенствовании системы отношений власти: не случайно он столько внимания уделяет в своем памфлете деятельности старых Генеральных штатов и взаимодействию в них трех сословий. Сходный образ мыслей был свойствен и их единомышленникам.

Теперь, отметив эти базовые различия мы, полагаю, сможем лучше понять и дальнейшее развитие противостояния этих двух политических группировок – и упорную борьбу «умеренных депутатов» за сохранение Генеральных штатов и объединение сословий – даже после того как палата третьего сословия провозгласила себя Националь-

ным собранием, и то, что они отстаивали двухпалатное устройство Законодательного собрания с наследственной верхней палатой и абсолютное вето короля, тогда как большинство Собрания, в частности, будущие фельяны, склонялись скорее в пользу однопалатного Собрания и приостанавливающего вето²¹. Объяснимой оказывается и готовность конституционалистов пойти на компромисс в этих двух последних вопросах – для них это было скорее «арифметикой», при условии, что за представляющей суверенную нацию выборной нижней палатой будут закреплены неотъемлемые права, обеспечивающие ее самостоятельность. Напротив, для «монаршьенов» такое закрепление конституционных прав и самостоятельности нижней палаты было невозможно, поскольку шло вразрез с исторически сложившейся традицией организации власти в стране: в их представлениях Франции необходимо «вернуться» к древним обычаям, когда король регулярно советовался с Генеральными штатами, а сословия выполняли свойственные им функции; отчасти в этих представлениях проявляется идеализированный образ Английского политического устройства²², но возможно – и то представление, которое сформулировал Мабли, чья *История Франции* пользовалась в предреволюционные годы огромной популярностью.

Более того, это позволяет объяснить и еще один феномен: хотя, по меткому выражению Бенжамена Констана,

свобода, благоустройство, счастье народов составляют цель человеческих обществ; политическая организация является лишь средством. Просвещенный республиканец несравненно скорее может стать конституционным монархистом, чем защитник самодержавия. Между конституционной монархией и республикой различие только в форме. Между конституционной монархией и самодержавием – различие в самой сущности²³, –

«умеренным монархистам», хотя они и были сторонниками конституционной монархии, удастся, находясь в эмиграции, найти общий язык с роялистами, тогда как для фельянов союз с ними окажется невозможным, поскольку это противоречило бы как их собственным принципам, так и представлениям о них как о неистовых республиканцах, сложившимся в окружении братьев казненного Людовика XVI.

Таким образом, подход, направленный на выявление за традиционным использованием политического лексикона неодинаковых базовых мировоззренческих принципов представляется весьма перспективным для изучения различных явлений, связанных с политической борьбой, в особенности когда речь идет о противостоянии политических группировок, воспринимаемых со стороны как очень близкие друг другу.

- ¹ *Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми* было написано для конкурса, объявленного в 1755 г. Дижонской академией, *План уголовного законодательства* – для конкурса, объявленного в 1777 г. Бернским экономическим обществом.
- ² **Олар А.** Политическая история Французской революции. – М.: Госоцэкономиздат, 1938. – С. 481.
- ³ **Mounier J.J.** Exposé de la conduite de m. Mounier dans l'Assemblée nationale et des motifs de son retour en Dauphiné – Paris, Cuchet. – P. 56.
- ⁴ **Сергиенко В.Ю.** Умеренные монархисты в годы Французской революции конца XVIII века: Мунье, Малуэ, Малле дю Пан и их сторонники. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., МГУ, 2005. – С. 69, 103; **Она же.** Умеренные монархисты в годы Французской революции конца XVIII века: Мунье, Малуэ, Малле дю Пан и их сторонники. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., МГУ, 2005. – С. 16-17.
- ⁵ **Тырсеяко А.В.** Фельяны: У истоков французского либерализма. – М., Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – С. 52-53, 58-60.
- ⁶ **Гусейнов Э.Е.** Жиронда в период Законодательного собрания // Буржуазия и Великая Французская революция. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С. 86.
- ⁷ **Бачко Б.** Робеспьер и террор // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. – М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории РАН, 1998. – С. 148-149.
- ⁸ **Тэвдой-Бурмули А.И.** Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия // Памяти профессора А.В. Адо: Современные исследования о Французской революции конца XVIII века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 223, 229, 230, 236, 253.
- ⁹ **Гордон А.В.** Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. – СПб.: Наука, 1995. – С. 368. Использован первоначальный рукописный вариант статьи.
- ¹⁰ См.: **Черноверская Т.А.** Проблема «республиканской монархии» в политической мысли Франции в первые годы Великой французской революции // Монархия и ее роль в истории. Тезисы межвуз. научн. конференции. – Омск: Изд-во Омск. Ун-та, 1995. – С. 19-21.
- ¹¹ Там же. – С. 171, 172.
- ¹² **Сен-Жюст Л.А.** Указ. соч. – С. 47.
- ¹³ **Сен-Жюст Л.А.** Указ. соч. – С. 57, 59.
- ¹⁴ **Vatel Ch.** Charlotte Corday et les Girondins. Т. 1. – P., 1867. – P. CIV-CV.
- ¹⁵ См. подробнее: **Черноверская Т.А.** Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды (сентябрь 1792 – июль 1793 годов) // Всеобщая история. Современные исследования. Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 11. – Брянск: Изд-во Брянск. Ун-та, 2002. – С. 32-42.
- ¹⁶ **Сергиенко В.Ю.** Когда появились «правые» и «левые». У истоков политической традиции / В.Ю. Сергиенко // Новая и новейшая история. – 2007. № 4. – С. 185.
- ¹⁷ **Mounier J.J.** Nouvelles observations sur les États-généraux de France. – Paris, 1789. – P. 219.
- ¹⁸ **Сийес Э.Ж.** Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 209.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ **Mounier J.J.** Nouvelles observations... – P. 236.
- ²¹ Перипетии этой борьбы были подробно исследованы В.Ю. Сергиенко (см. примеч. 4), но, к сожалению, она не обратила внимания на мировоззренческие осно-

---

вы противостояния, ограничившись, так сказать, «количественной» его интерпретацией.

²² **Сергиенко В.Ю.** Когда появились «правые» и «левые»... – С. 184.

²³ Цит. по: **Ланда С.С.** Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1916-1825. – М.: Мысль, 1975. – С. 135.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА XVIII ВЕКА

- Юлия Артамонова.** Литература и философия в эпоху Просвещения: основания синтеза 3
- Аркадий Соломен.** Структурные и генерализационные вопросы эссеизации философско-исторических текстов во французском Просвещении.....12
- Татьяна Черноверская.** Философия на трибуне: О некоторых особенностях политической риторики Французской революции 20
- Ирина Кулакова.** Воздвигните на небо очи ваши»: взаимодействие философского, научного и художественного дискурсов в российской литературной традиции XVIII века 29
- Ираида Кротенко.** Взаимодействие философского и литературного дискурсов в русской литературе XVIII века.....49

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА И ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

- Виолетта Трофимова.** На заре эпохи Просвещения: «женский вопрос» в «Споре древних и новых» (Н. Буало и Ш. Перро) 55
- Наталья Соловьева.** Литература и философия в педагогических системах английского Просвещения: С. Джонсон, С. Филдинг, М. Эджуорт.....64
- Яна Линкова.** Философия творчества в предисловии к французскому роману XVIII века 74
- Юлия Галатенко.** «Размышления о хорошем вкусе» в итальянской эстетике начала XVIII века (Дж.В. Гравина, П. Джанноне, Л.А. Муратори).....79
- Нанули Какауридзе.** Философские основы литературной теории движения «Бури и натиска» 87
- Наталья Калашникова.** Поэтика как форма философии творчества (голландская литература XVIII века).....91
- Галина Васильева.** «Часть» и «целое» в переписке Гёте и Шиллера.....97
- Тамар Ахвледзиани, Майя Ахвледзиани, Нино Квирикадзе.** Грузинский царевич Давид Багратион – философ-просветитель 105
- Тамар Ломтадзе** Философские термины в грузинских литературно-исторических источниках XVIII века.....110